

— О! Ах!

На улице человек рухнул на дорогу, схватившись за живот — его явно сбили с ног ударом ноги. Прохожие давно разбежались, и сейчас на проезжей части не было ни души. Двери домов плотно закрыты, лавки заколочены: никто не желал видеть того, что видеть не следовало, и навлекать на себя беду.

Гигантские листья растений обвивали обветшалые жилые дома — подобные пейзажи, словно сошедшие с экранов игр, стали обычным делом в эту эпоху заката. Растения буйно разрастались, животные сходили с ума... Мир еще два года назад начал свое странное, пугающее развитие, и вся флора с фауной, словно сбросив оковы, становились всё крупнее и безумнее.

На улице, разделив пространство вокруг упавшего, выстроились две группы. Слева — обычные люди в простой одежде, пытавшиеся помочь бедолаге. Справа — группа мужчин в деловых костюмах, окруживших кого-то плотным кольцом.

В центре стоял мужчина в самом расцвете сил, с зачесанными назад волосами и властным видом. Темные очки скрывали половину лица, но по опущенным уголкам губ было ясно: он не нуждается в гневе, чтобы внушать страх. Это был глава корпорации Хуашэн, человек, держащий город в кулаке — Су Хуашэн.

— Парень, ты что, тоже возомнил себя Фэнсянем? — подал голос высокий худощавый мужчина в костюме. Именно он только что нанес удар.

Этого человека звали Сяо Цзяньсинь. Когда речь заходила о Су Хуашэне, часто вспоминали и его, но слава у него была дурная: «ручная гадюка Су Хуашэна», «собака, лающая по приказу хозяина».

Если судить только по внешности, Сяо Цзяньсинь был весьма хорош собой, пусть и с оттенком женственности. Одиночные веки, высокий нос, тонкие линии лица и пухлые, парадоксально чувственные губы. Он носил длинные волосы и дорогие костюмы безупречного кроя, которые идеально сидели на его стройной фигуре, придавая ему налет изысканности и лоска.

— Ты думаешь, если назовешься в честь приемного сына, тебя не убьют? — Его голос, тонкий и звонкий, как фарфор, при угрозе слегка поднимался. Неизвестно, кто первым это придумал, но его манеру ругаться сравнивали с шипением гадюки: вроде бы мягко, но смертельно опасно. Стоило взглянуть в его хитрые, раскосые глаза, как сразу становилось ясно: перед вами коварный и бессердечный делец, лиса, притаившаяся за спиной могучего тигра.

— Ты здесь вербуешь одаренных, чтобы свергнуть господина Су? — Он приподнял веки, глядя на лежащего с таким презрением, что, казалось, эти слова были написаны у него на лбу.

Как только он закончил, люди за его спиной подняли оружие. Черные дула уставились на

толпу, запугивая безоружных повстанцев.

Это был бедный район на окраине города. Господин Су обычно сюда не заглядывал, но сегодня он явился с такой помпой, прихватив своего помощника Сяо Цзяньсиня, только ради этого парня по имени Цинь Фэнсянь.

Обычные бунты одаренных случались часто, и на них никто не обращал внимания. Но этот случай был иным. Цинь Фэнсянь обладал редчайшим даром контроля.

Прошло три года с момента пробуждения способностей, и мир был перекроен заново. Могущественные одаренные, если им удавалось занять положение, становились единоличными правителями. Различные фракции быстро сориентировались и начали вербовать таких людей в свои ряды. После двух лет хаоса и столкновений ситуация стабилизировалась: никто не мог поглотить другого, и, поняв, что хаос мешает управлению, стороны договорились о сотрудничестве. Старые законы и системы были восстановлены, сформировалось многополярное правление.

С самого начала одаренные занимали высокое положение, а теперь они и вовсе стояли над законом. Сильные и редкие способности стали желанным трофеем для всех сил.

Цинь Фэнсяню повезло — он пробудил контроль. Если бы он был умнее и выбрал сторону, то несомненно добился бы успеха. Но он решил действовать в одиночку, да еще и на территории самой влиятельной группировки в этом городе.

Сяо Цзяньсинь был полной противоположностью: обычный человек без всяких способностей, он сумел подняться к вершинам власти. Он был умен, работал на Су Хуашэна еще до начала апокалипсиса и теперь мог ходить по городу, заставляя одаренных заискивать перед ним.

Су Хуашэн бегло окинул взглядом толпу, понял, что за спиной у парня нет серьезных сил, и потерял интерес. Он достал сигарету. Заметив это, Сяо Цзяньсинь немедленно присел перед Цинь Фэнсянем.

Цинь Фэнсянь был статным и красивым. Если не брать в расчет его неуклюжие методы, одно только это лицо, излучающее мужество и благородство, привлекало сторонников. Это был типаж, который в Китае любили испокон веков — человек, которому хочется верить.

Какая ирония, ведь Сяо Цзяньсинь обладал внешностью, внушающей лишь недоверие. Сейчас это красивое лицо Цинь Фэнсяня исказилось от гнева, а в острых глазах читалась ярость.

Крепкий орешек. Но таких Сяо Цзяньсинь видел немало — обычно вскоре они начинали рыдать и молить о пощаде. Он усмехнулся и похлопал Цинь Фэнсяня по щеке — жест был пренебрежительным, а выражение лица — полным фальшивой жалости.

— Встань на колени, извинись, вступи в наши ряды — и, может, я сохраню тебе жизнь.

В груди Цинь Фэнсяня бушевало пламя. В голове он уже тысячи раз прокрутил, как расправится с этим прихвостнем и его преступным хозяином. Но, бросив взгляд на черные дула пистолетов, он стиснул зубы и опустил голову, решив пока промолчать.

— Что? Все еще не согласен? — Сяо Цзяньсинь склонил голову набок, заглядывая ему в глаза.

— Мошенничество, ростовщичество, выселение людей, принуждение к проституции... Присоединиться к вам, бездушным зверям, чтобы вредить другим и себе? Никогда!

Глядя в эти холодные, равнодушные глаза, Цинь Фэнсянь перечислял их «трудовые будни». После этих слов, произнесенных с такой силой, его грудь тяжело вздымалась от ярости.

Столько искреннего гнева... Редкое зрелище. Но в наше время — до смешного наивное, даже раздражающее.

Сяо Цзяньсинь схватил его за подбородок и встряхнул:

— Либо вступаешь, либо умрешь.

Цинь Фэнсянь сжал кулаки, в его темных глазах вспыхнул огонь, давая понять, что он не отступит. Сяо Цзяньсинь усмехнулся, выхватил пистолет и приставил его к плечу мужчины — безмолвная угроза.

Цинь Фэнсянь не дрогнул.

Сяо Цзяньсинь не стал церемониться. Он прекрасно понимал, чего боятся такие люди с обостренным чувством справедливости. Он поднял руку, резко развернул ствол и, не раздумывая, нажал на курок, целясь в ногу одного из людей в толпе.

— Бах!

— А-а-а!

Раздался крик. Толпа вздрогнула. Один из мужчин повалился на землю, обхватив простреленное бедро. По лбу бедняги градом покатился пот, кровь хлынула из раны, быстро пропитывая землю.

Сяо Цзяньсинь стрелял хладнокровно, словно человеческая жизнь ничего не стоила. Толпа была в шоке: большинство из них никогда не видели настоящей крови и, несмотря на

готовность к борьбе, сейчас были смертельно напуганы. Друзья раненого хотели броситься на помощь, но, увидев, как ствол качнулся в их сторону, замерли на месте.

Этот выстрел разрушил всё. Недавняя решимость сменилась страхом, сплоченность толпы рассыпалась в прах. Все смотрели на молодого мужчину в черном костюме. Он стоял перед ними, олицетворяя зло и смерть. Эти люди, далекие от тьмы, наконец поняли смысл выражения «собака лает — караван идет».

Сяо Цзяньсинь продолжал держать пистолет наготове. В его прищуренных глазах не было ни капли раскаяния — только холод и безразличие.

— Ха... — он усмехнулся, глядя на них без тени вины. — Слабаки. И вы еще хотели возглавить организацию одаренных?

Люди притихли, глядя на этого человека, который словно был призраком, прислуживающим тигру — призраком, что насмехается над прохожими и приносит трупы своему грязному королю.

Цинь Фэнсянь молчал, по его лицу стекал пот, но он не пытался его вытереть. После выстрела он с ужасом обернулся и увидел, как страх исказил лица его товарищей. Цинь Фэнсянь замер, осознав, насколько жалкими были их попытки. Из-за редкого дара он взял на себя роль лидера, чтобы запугать бандитов, но те его ничуть не боялись. А теперь они еще и стреляют в мирных жителей...

Сяо Цзяньсинь присел перед ним и ткнул холодным дулом в висок. Цинь Фэнсянь не шелохнулся. Сяо Цзяньсинь сжал его подбородок, заставляя смотреть прямо в глаза:

— В следующий раз я не промахнусь.

Холодный металл обжигал кожу. В голове Цинь Фэнсяня мелькнула мысль: выбить пистолет, взять его в заложники — ведь он всего лишь обычный человек, это должно быть легко. Но, взглянув на направленные на него стволы, он отказался от этой идеи. Кто знает, сколько еще одаренных прячется за спиной Су Хуашэна? Он не мог одновременно контролировать столько пуль и отражать атаки способностями.

Они проиграли. Полностью.

Су Хуашэн нетерпеливо позвал:

— Цзяньсинь.

Тот надавил пистолетом на голову Цинь Фэнсяня:

— Последний раз спрашиваю: вступаешь или нет?

Цинь Фэнсянь мотал головой, его кулаки сжимались и разжимались, вены вздулись на тыльной стороне ладоней. В нем боролись отчаяние, негодование и ярость.

— Я... — его губы дрожали.

Раздался щелчок взводимого курка. Пистолет снова смотрел на толпу. Цинь Фэнсянь закрыл глаза, его плечи опустились.

— ...Вступаю.

Су Хуашэн молча наблюдал за этой сценой. Он заметил взгляд парня. Цинь Фэнсянь сказал, что вступает, но в его опущенных глазах горело пламя, которое совсем не сулило спокойствия. В них не было страха.

Су Хуашэн окликнул Сяо Цзяньсиня, который уже собирался уходить:

— Цзяньсинь.

Одного взгляда хватило, чтобы понять: Цинь Фэнсянь никогда не будет послушным псом. Такие люди упрямы, они не боятся власти и смерти — их нельзя держать в подчинении. Есть только два пути: либо полностью сломить, либо уничтожить.

Как ни жаль, но оставлять его нельзя. Если он вырастет, то станет врагом. Этот человек им не нужен.

Су Хуашэн бросил Сяо Цзяньсиню короткий взгляд.

— Бах!

Выстрел эхом разнесся по тихой улице.

Су Хуашэн накинул пальто и, не оглядываясь, пошел прочь. У него были дела поважнее, а остальное...

Остальное он оставил своей «прекрасной гадюке».

<http://bllate.org/book/18776/1821151>